

АБУБИКЕРОВА Эльмира Фаритовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета (125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6; abubikerova.e@rggu.ru)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье на основе трудов и опыта ряда ученых анализируется повседневная жизнь студенчества и преподавательского состава Советской России в 1920–1930-е гг. Автор, исследуя труды коллег, отмечает, что в их работах отражен важнейший спектр повседневности: настроения, быт в высшей школе, показана материальная сторона жизни, зарождение и внедрение идеологии, а также, как следствие, вытеснение из высшего образования «старой школы». Показаны формы самоорганизации студенчества, созданные для взаимопомощи. Автор приходит к выводу, что повседневность высшего образования послереволюционного периода претерпела массу изменений. Это привело к ухудшению материального положения преподавателей и студентов, обновлению преподавательского состава в крупных городах путем выдавливания «старой школы» в регионы, что, в свою очередь послужило сохранению там традиций преподавания высшей школы имперской России до нашего времени.

Ключевые слова: высшее образование, повседневность, студенчество, вузы, 1920–1930-е гг., идеология

Политические и общественные изменения, происшедшие в России на рубеже XX–XXI вв., существенно расширили тематическое поле исторической науки, обогатили ее новыми подходами и приемами. Важным аспектом становится тема повседневности, которая не была разработана ранее. Всплеск интереса к данной проблематике наблюдался в период с середины 2010-х гг., когда авторы обратились к проблемам военной и гражданской повседневности [Абубикерова 2012; Васильченко 2013; Васильченко 2021; Сенявская 2021].

Ключевыми темами стали такие проблемы, как человек и война, повседневность фронта и тыла, перемещение населения, жизнь отдельных сословий. Все это можно реконструировать на основе широкого круга источников личного происхождения.

Кардинальные изменения в сфере образования, переход к европейской модели обучения породил дискуссии об изучении опыта советской образовательной модели. В связи с этим центральной темой стали проблемы «мягкой силы», обучения иностранных студентов в советских вузах, организация образовательного процесса и бытовых особенностей [Панин 2012; Микуленок 2021; Панин, Матюхин 2021], в т.ч. проблема бытовых условий жизни преподавателей [Абубикерова 2013]. За предыдущие 20 лет разработки данной темы был накоплен значительный опыт изучения, однако работ обобщающего и историографического характера на сегодняшний день недостаточно. Исходя из этого, необходимо рассмотреть ключевые направления в изучении повседневности работников высшей школы.

Власть и политические процессы в Советской России начала 1920-х гг. кардинально изменили уклад жизни людей. Для дальнейшего переустройства жизни общества и государства перестройка системы образования, в т.ч. и высшего, была ключевой реформой того времени. Менялось все — от различных сфер жизни людей до традиционных устоев в высшей школе, создавались и упразд-

нялись как средние, так и высшие учебные заведения, вытеснялась негодная профессура, взамен которой приходило новое, политически интегрированное поколение людей.

Одной из сторон в изучении высшей школы в 1920–1930-х гг. является исследование бытовой стороны преподавательской и студенческой жизни, их взаимодействия. Материалами изучения выступают мемуары, автобиографии, письма, манифесты студентов и преподавателей и, конечно, отраженные в архивах того времени докладные, служебные записи вузовских работников, журналы и газеты.

В начале XXI в. в отечественной исторической науке тема повседневности, исследуемая сквозь призму эпистолярного корпуса источников, становится ключевой. Большинство исследователей рассматривают письма как отдельный источник информации [Лившин 1999; Козлова, Сандомирская 1996; Козлова 2005]. Авторы показывают крайнюю неоднородность состава обучающихся, вследствие чего, на наш взгляд, проявлялись различные, порой диаметрально противоположные взгляды людей на одно и то же событие, кардинально меняющие повседневную картину мира. Как отмечают И.Б. Орлов и А.Я. Лившин, особую актуальность в то время приобретают «Письма во власть». Призывы к власти показывают сильнейший постреволюционный дух, подъем в обществе, стремление к обучению и овладению специальностями [Лившин 1999: 95]. В письмах отражены пожелания о командировках на рабфак, о переводах в другие учебные заведения, просьбы о решении материальных проблем, об отмене решений об отчислении из вузов и исключений из комсомольских организаций. Н.Н. Козлова и И.И. Сандомирская показывают, что по письму удается восстановить портрет заявителя, его социальный статус, в выражениях, использованных в письме, часто прослеживаются наивность и неграмотность [Козлова, Сандомирская 1996: 120–122]. В изложении проблем и чаяний обычных людей мы видим большой объем информации о том времени [Козлова 2005: 40].

Обращения студентов во власть в 1920–1930-х гг. путем направления писем дают возможность проанализировать повседневные проблемы людей, возникшие в период становления и укрепления советской власти. Ученые исследуют процесс поиска студентами места в новой жизни за счет получения образования, избегания «академических чисток». При этом им часто приходилось разрывать семейные связи, искажать биографии, преодолевать нищету в связи с социальной трансформацией, выстраивать карьеру в профкомах и организациях, укрепляющих идеологический строй того времени.

Студенческая печать как источник позволяет нам реконструировать бытовые практики разных групп студенческой молодежи. К примеру, исследование Ю.А. Наумовой показывает студенческую печать как отдельную специфическую систему периодики, основанную на развитии и жизни по своим законам [Наумова 2019: 6]. Так, в период с 1923 г. в вузах открываются журналы, выходящие ежемесячно: в Саратове — это «Студенческая мысль», в Харькове — «Студент Революции», в Москве — «Рабфаковец», в Ленинграде — «Красный студент», в Перми — «Студент — пролетарий» и, конечно, знаменитый во все времена журнал ЦК ВЛКСМ «Красная молодежь». Там, где специализированных студенческих изданий не было, публикации выходили в обычной периодической печати, занимая, как правило, одну полосу. В вузах создавались «Уголки студенческой жизни», в которых были представлены стенды с плакатами и заметками [Наумова 2019: 31–36]. В материалах того времени были описаны бытовые тяготы студентов, культурно-просветительская

и академическая жизнь. Д.А. Андреев отмечает, что в послереволюционный период, в т.ч. и в годы нэпа, студенческая печать во многом зависела от власти, которая, в свою очередь, насаждала новые бытовые порядки с помощью средств пропаганды и установления идеологии. Трудное материальное положение и отчисления студентов часто становились стимулом для смирения, чтобы сохранить возможность обучения как верного пути к лучшей жизни [Андреев 2007: 160-161]. Как утверждает Ш.Х. Чанбарисов, лишь с 1932 г. получение материальной помощи стало зависеть от реальной успеваемости студентов, их подготовки и превратилось по-настоящему в средство стимулирования успеваемости учащегося [Чанбарисов 1988: 132]. Из периодики того времени нам известно, что по всей стране проводились акции в поддержку материального обеспечения студентов путем перечисления средств из хозяйственных органов, от заводов, профсоюзов. Особенно отличались высокими сборами профсоюзы строителей и железнодорожников, горняков и металлистов [Постников 1996: 120-121].

Отдельным источником для изучения повседневной жизни студенчества того времени выступают мемуары и воспоминания. Так, воспоминания студентов Ленинградского университета, учащихся на факультете общественных наук, которые по крупицам собрал и издал в 1971 г. заслуженный деятель науки профессор В.В. Мавродин [На штурм науки... 1971], позволяют нам понять непростую, порой тягостную студенческую жизнь периода перемен в стране. Студенты записывали бытовые жизненные ситуации, связанные с тяготами учебы, т.к. основной проблемой того времени была нищета. Учащаяся И.М. Левина пишет, что студентки одевались, кто во что горазд: это были платья, перешитые из различных подкладок верхних одежд, простыней, штор и занавесок [На штурм науки... 1971: 74]. Из воспоминаний студентки Петроградского университета Александры Холм, проходящей обучение в 1920-х гг., обеденное меню в вузе состояло из супа и второго: гарнира с двумя котлетами стоимостью 42 копейки она не могла себе позволить из-за низкой стипендии и брала лишь суп без мяса за 9 коп. [На штурм науки... 1971: 216]. Однако руководство страны совместно с вузами выдавали помощь студентам в виде талонов: к примеру, в Петрограде была открыта «аровская столовая», куда иногда ходили есть студенты, вспоминает Р.И. Маркова [На штурм науки... 1971: 80-81].

Отдельно быту студентов посвящена работа Д.Ю. Гнатовской и М.Р. Зезина, которые описывают совместное проживание студентов в общежитиях в 1920–1930-е гг. Студенты собирались в группы, как правило, от 10 до 60 чел., и организовывали коммуны для распределения коллективного труда в общежитиях: кто-то готовил, кто-то закупал продукты, кто-то шил или убирался [Гнатовская, Зезина 1998: 42-45].

Таким образом, повседневная жизнь студенчества того времени, описанная в письмах и воспоминаниях, повествует лишь о скромном материальном положении студентов, их быте. Авторы описывают нестабильную жизнь, а процесс получения знаний в вузах, к сожалению, остается за «скобками реалий того времени» – годов нэпа.

В постреволюционный период запрос государства был на обновление, ликвидацию корпоративности преподавательского состава имперской России, впитавшей устои дореволюционного высшего образования, поскольку даже к концу 1920-х гг. численный состав преподавателей «старой школы» составлял 60% общего числа преподавателей [Меметов 2008: 12]. На основании этих данных можно сделать вывод, что у власти в период Гражданской войны и позже

не было возможности плотно заниматься строительством новой системы образования.

Важным аспектом в изучении повседневности высшей школы является проблематика становления отечественной послереволюционной науки. Так, Д.И. Васильев, А.Я. Синецкий, А.И. Лутченко в своих работах описывают начало и становление научно-педагогической интеллигенции высшей школы в 1920–1930-е гг., позже названной термином «красная профессура» [Васильев 1967; Синецкий 1947; Лутченко 1969]. Старые практики преподавания в данный период начали активно корректироваться в крупных городах, часть «старой интеллигенции» была вынуждена уезжать в провинцию, а на их место приходили новые люди с «правильными» идеологическими установками. Однако, на наш взгляд, необходимо выделить и поставить в заслугу именно «старой школе» то, что она заложила основу советского преподавания в вузах, сохранила фундаментальную, академическую, классическую культуру получения высшего образования с ее повседневной, пусть и претерпевшей изменения моделью жизни вузов.

Проанализировав ряд научных работ, мы можем констатировать, что на сегодняшний день тема повседневности в высшей школе с точки зрения процесса обучения недостаточно разработана, в отличие от более изученной бытовой стороны жизни студентов и преподавателей. Это обусловлено прежде всего тем, что научные сотрудники и молодые люди, проходящие обучение в высших учебных заведениях, столкнулись с тяготами Первой мировой, затем Гражданской войны, укреплением и становлением в 1920–1930-х гг. власти большевиков. Все это кардинально изменило социальный статус и жизнь рядового гражданина, и образование в частности, погрузив в напряженность «вузовские стены», породив классовую разнь; тяжелые бытовые и материальные условия жизни преподавателей и студентов не могли не отпечататься в памяти людей. Воспоминания об этом отразились в жизненных мемуарах, автобиографиях, письмах, манифестах студентов и преподавателей и в архивах того времени.

Список литературы

Абубикерова Э.Ф. 2012. Профессиональная повседневность научно-педагогических работников Саратова в 1920-е годы. — *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Т. 12. № 2. С. 119-122.

Абубикерова Э.Ф. 2013. Проблемы оплаты труда научно-педагогической интеллигенции вузов Саратова в 1920-х гг. — *Власть*. № 4. С. 171-173.

Андреев Д.А. 2007. Советский студент первой половины 1920-х: особенности самопрезентации. — *Социологический журнал*. № 2. С. 156-166.

Васильев Д.И. 1967. Так создавались научно-педагогические кадры. — *Вестник высшей школы*. № 11. С. 69-75.

Васильченко М.А. 2013. Повседневность солдат Чехословацкого корпуса в марте—мае 1918 г. как фактор антибольшевистского мятежа. — *Клио*. № 1(73). С. 93-95.

Васильченко М.А. 2021. *Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (май — ноябрь 1918 года)*. Саратов: Техно-Декор. 172 с.

Гнатовская Д.Ю., Зезина М.Р. 1998. Бытовые коммуны рабочей и студенческой молодежи во второй половине 20-х — начале 30-х годов. — *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. № 1. С. 42-58.

Козлова Н.Н. 2005. *Советские люди. Сцены из истории*. М.: Европа. 544 с.

Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. 1996. *Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингвосоциологического чтения*. М.: Гнозис. 256 с.

Лившин А.Я. 1999. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов. — *Общественные науки и современность*. № 2. С. 94–102.

Лутченко А.И. 1969. Высшая школа и формирование советской интеллигенции. — *Вестник высшей школы*. № 1. С. 81–86.

Меметов В.С. 2008. О некоторых методологических принципах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии. — *Ивановский государственный университет: Интеллигенция и мир*. № 2. С. 7–26.

Микуленок Ю.А. 2021. Материальное положение студенчества в раннесоветский период. — *Вестник Тамбовского университета*. Сер. Гуманитарные науки. Т. 26. № 190. С. 184–190.

Наумова Ю.А. 2019. *Студенческая пресса России*. Ростов н/Д: Фонд науки и образования. 118 с.

На штурм науки: Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета (под ред. В.В. Мавродина) 1971. Ленинград: Изд-во ЛГУ. 264 с.

Панин Е.В. 2012. Материально-бытовые условия жизни студенчества интернациональных и национальных коммунистических университетов Советской России (1920–1930-е гг.). — *Теория и практика общественного развития*. № 3. С. 165–168.

Панин Е.В., Матюхин А.В. 2021. Образование — фактор «мягкой силы». Проблемы обучения иностранцев в СССР/России. — *Обозреватель*. № 2(373). С. 107–115.

Постников Е.С. 1996. *Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921–1927)*. Тверь: Изд-во ТГУ. 188 с.

Сенявская Е.С. 2021. Фронтальная повседневность в войнах России XX века как объект изучения: историографический итог трех десятилетий (1991–2021). — *Исторические записки*. Т. 20 (138). С. 243–257.

Синецкий А.Я. 1947. Формирование профессорско-преподавательских кадров высшей школы. — *Вестник высшей школы*. № 11. С. 24–35.

Чанбарисов Ш.Х. 1988. *Формирование советской университетской системы*. М.: Высшая школа. 256 с.

ABUBIKEROVA El'mira Faritovna, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of Modern History of Russia, Russian State University for Humanities (6 Miusskaya Sq, Moscow, Russia, 125993; abubikerova.e@rggu.ru)

THE EVERYDAY LIFE IN HIGHER EDUCATION IN THE 1920s–1930s (HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

Abstract. This article, based on the works and experience of a number of scientists, analyzes the daily life of students and teaching staff in Soviet Russia in the 1920s–1930s. The author, examining the works of her colleagues, comes to the conclusion that their works reflect the most important spectrum of everyday life: the mood, the way of life in higher education, the material side of life, the emergence and implementation of ideology, and, as a result, the displacement of the old school teachers from higher education. The forms of student self-organization created for mutual assistance are shown. The article concludes that the everyday life of higher education after the revolutionary period has undergone a lot of changes, which led to a deterioration in the financial situation of teachers and students. The teaching staff of the old school in large cities was

squeezed into the regions, which in turn served to preserve the traditions of teaching at the higher school of imperial Russia up to our time.

Keywords: higher education, everyday life, students, universities, 1920s–1930s, ideology

ЕЛИЗАРОВ Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин гуманитарно-экономического факультета Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого (246029, Беларусь, г. Гомель, пр-кт Октября, 48; sergeyelisarov@mail.ru); orcid.org/0000-0002-7015-3702

СИСТЕМА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ БЕЛОРУССКОЙ ССР: ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ – ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ (1965–1991 гг.)

Аннотация. Вопросы реорганизаций системы органов управления сельского хозяйства Белорусской ССР рассмотрены в рамках дуальной оппозиции «централизация – децентрализация». Отмечается доминирование простой инверсии: централизация (1969, 1985 гг.) – децентрализация (1989 г.). Медиация представлена формированием системы органов управления агропромышленным комплексом 1982 г. Высшее партийно-советское руководство БССР своей отличной от союзного центра позиции до 1989 г. открыто не проявляло, но негативно восприняло радикальную управленческую реорганизацию 1989 г.

Ключевые слова: сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, управление, централизация, децентрализация, дуальная оппозиция

Советское сельское хозяйство как традиционно слабое звено социалистической модели экономического развития в своей истории подвергалось постоянным реорганизациям в рамках парадигмы «централизация – децентрализация» либо (чаще всего) на основе простой инверсии, либо (реже) – медиации.

В современной историографии основная роль в формировании новой концепции аграрной истории в целом и в исследовании советской аграрной политики 1960–1980-х гг. в частности принадлежит российским авторам. В центре внимания – варианты и пределы реформирования советского сельского хозяйства, материальное стимулирование труда в сельском хозяйстве, Продовольственная программа и ее результаты и т.п. Управленческим реорганизациям уделяется гораздо меньше внимания, а их изучение носит преимущественно фрагментарный характер [Милосердов 2002; Наухацкий 2003; Рогалина 2010; Шмелев 2000].

В белорусской историографии ситуация аналогична российской за исключением в целом малого интереса белорусских исследователей к указанной проблеме [Сакович 2008; Смяховіч 2017].

Цель представленной статьи – рассмотреть процесс трансформации системы местных (областных и районных) органов государственного управления сельским хозяйством Белорусской ССР в дуальной оппозиции «централизация –